

— Нет, — Чи Чэн поднял на него глаза. — Я не умею красиво говорить, брат, не злись на меня.

Им обязательно нужно было поговорить, независимо от того, будет ли Тао Сяодун его бить, Чи Чэн должен был извиниться, независимо от его мотивов, он всё равно поступил неправильно.

Тао Хуайнань не подслушивал их разговор, а вернулся в свою комнату. Для Чи Чэна было сложно так откровенно говорить с кем-то, он даже Тао Хуайнаню многое не говорил. Между ним и Тао Хуайнанем могли быть вещи, о которых не говорили, Тао Хуайнань мог злиться, а он мог не успокаивать его, ведь через пару дней всё прошло бы само собой. Но с братом всё было иначе.

— Мне всё равно, будешь ли ты первым или нет, это всё пустые слова, для меня нет разницы, первый ты или десятый, — Тао Сяодун наконец согласился поговорить с ним, в его взгляде и тоне чувствовалась беспомощность. — Ты несколько лет учился в школе для слепых, и я был только рад, потому что Тао Хуайнань был маленьким, боязливым, и я не мог оставить его одного, он не мог быть без присмотра ни дня.

Говоря об этом, казалось, что прошло всего несколько лет с тех пор, как они отправили двух маленьких мальчиков в школу для слепых, но теперь, оглядываясь назад, это было много лет назад, и теперь оба ребёнка уже собираются в старшую школу.

Тао Сяодун вспомнил того маленького упрямого мальчика, который всегда молчал, и посмотрел на Чи Чэна, который уже почти не уступал ему в росте, и, нахмурившись, сказал:

— В средней школе ты был с ним, и я был согласен, ты мог учиться, и мне не нужно было заботиться о нём. Но старшая школа — это не начальная школа. Ты думаешь, ты сможешь просто учиться и снова стать лучшим?

Чи Чэн молчал, терпеливо слушая нотации.

— Какой у тебя результат, в такую школу ты и должен идти. Ты что, хочешь мне что-то вернуть? Эти три года будут долгом перед тобой для меня и Тао Хуайнаня. Если ты в какой-то дырявой школе провалишь экзамены и ничего не добьёшься, мы не сможем тебе этого вернуть. — Тао Сяодун намеренно говорил так, его слова были колкими, он намеренно отдалился, всё это было из-за Чи Чэна.

Чи Чэн нахмурился и сказал:

— Я не хочу ничего возвращать, я и так не смогу всё вернуть. Если бы ты не взял меня, я бы даже не смог учиться, может быть, даже не смог бы выжить, я не могу всё вернуть.

— Мне и не нужно, чтобы ты возвращал, — Тао Сяодун толкнул его коленом. — Ты что, думаешь, что ты такой важный? Ты взял на себя ответственность за Тао Хуайнаня, думаешь, что можешь всё, и даже небо сможешь поднять, если постараться?

Чи Чэн действительно не умел говорить, он не знал, как объяснить Тао Сяодуну, что его поступок не имел ничего общего с возвращением долгов.

Чи Чэн долго сидел, опустив голову, а затем поднял её и посмотрел на Тао Сяодуна:

— Брат, я просто спрошу тебя: если бы ты был в моём возрасте, и Тао Хуайнань сейчас поступал бы в старшую школу, что бы ты сделал?

Тао Сяодун не стал играть в эти игры, он махнул рукой:

— Не знаю, не играй в предположения.

Говоря, что не будет играть в предположения, Тао Сяодун всё же долго молчал. Они оба понимали, что если бы это был Тао Сяодун, он поступил бы ещё радикальнее.

Школа важна, результаты важны, но ничто не важнее «моего брата». В тот год, когда Чи Чэн дрался в школе, на все вопросы он отвечал только: «Он ударил моего брата». И сейчас всё сводилось к одной фразе: «Это мой брат».

— Я хочу связать его на всю жизнь, хочу, чтобы он каждый день жил у нас на глазах, — Чи Чэн сохранял прежнюю позу, медленно говоря с Тао Сяодуном, в его глазах была спокойствие, но также и искренность. — Я знаю, что это невозможно.

Тао Хуайнань оставался в своей комнате, а Чи Чэн всё же оглянулся в сторону двери, прежде чем тихо продолжить:

— Рано или поздно ему придётся жить самостоятельно, ты и я не сможем всегда за ним присматривать. Но я надеюсь, что это произойдёт позже, по крайней мере, когда вокруг него будут только взрослые, и не будет тех, кто из любопытства или странной злобы будет его дразнить. Тогда он тоже будет взрослым, он будет просто «слепым», но сейчас он «слепой ребёнок», и его слишком легко обидеть.

В воспоминаниях Тао Сяодуна Чи Чэн почти никогда не говорил так много. Он говорил это всё ещё неестественно, и после этого чувствовал себя неловко, он действительно не привык так анализировать свои чувства, высказывать свои мысли.

Этими словами он поставил себя на один уровень с Тао Сяодуном, это был разговор двух старших братьев. Тао Сяодун почувствовал, что Чи Чэн словно снова повзрослел.

— Если бы он был мне родным братом, всё было бы намного проще, вы бы не чувствовали, что что-то мне должны, и не было бы разговоров о возвращении долгов, это было бы просто крепкой братской привязанностью.

Чи Чэн оперся на пол и встал, его голос был немного глухим:

— Я бы хотел, чтобы ты был мне родным братом, но я ношу фамилию Чи, а не Тао. Я действительно хочу сделать для вас многое, не потому что я приёмный, а потому что он мой брат, а ты мой брат.

Чи Чэн повернулся и вышел, лето было жарким, и после разговора на полу на его лбу выступил пот. Чи Чэн шёл, поднимая рубашку и вытирая пот подолом. Тао Сяодун смотрел на него сзади, и на самом деле, с его фигурой, он всё ещё выглядел как худой и высокий подросток.

Тао Сяодун всегда умел ладить с людьми в своей сфере, он умел находить общий язык со всеми. Потому что он понимал человеческие отношения, умел говорить.

Сегодня он действительно был ошарашен своим неразговорчивым ребёнком, в его сердце была мягкость и нежность, а также горечь от того, что он был старшим братом так много лет, он не мог найти подходящих слов.

Тао Хуайнань не слышал этого разговора двух старших братьев о нём, Чи Чэн велел ему

вернуться в комнату, и он вернулся, изначально ожидая, что потом поможет Чи Чэну успокоить брата, но не ожидал, что обычно молчаливый брат сам справится с ситуацией.

После этого дня Тао Сяодун больше не хмурился, он действительно больше не злился.

Тао Хуайнань был удивлён и спросил Чи Чэна:

— Что ты сказал брату?

— Не твоё дело, — Чи Чэн не ответил ему и не позволил спрашивать, если он спрашивал, говорил, что он надоедает.

Тао Хуайнань действительно не мог представить, что Чи Чэн мог сказать что-то, чтобы успокоить брата, в его воспоминаниях Чи Чэн даже никогда не извинялся, он был слишком упрямым.

Тао Сяодун не был убеждён словами Чи Чэна, он не считал, что он поступил правильно. Но никто не мог продолжать злиться на Чи Чэна после того, как он сказал эти слова, искренние слова, сказанные с искренним взглядом: «Может быть, я тебе не родной брат, но ты мне родной брат». Тао Сяодун всегда был мягким с детьми, даже если бы он не сказал остального, этих слов было бы достаточно, чтобы он смягчился.

Более того, слова Чи Чэна «если бы ты был на моём месте», Тао Сяодун действительно не мог на них ответить.

Если бы это был Тао Сяодун, он, возможно, даже не пошёл бы в обычную старшую школу, а просто вёл бы брата через школу для слепых. Ведь когда он учился, он тоже не хотел учиться, он не мог, как Чи Чэн, всё время учить.

Слепой брат — это вечная забота, Тао Сяодун привык к этому, всё лучшее отдавал ему.

Старшие братья всегда такие, и Чи Чэн тоже был старшим братом.

То, что он больше не злился, не означало, что он перестал переживать, проблема всё ещё была на месте. На самом деле, у Тао Сяодуна всегда был свой план, он не хотел, чтобы Тао Хуайнань шёл в школу для слепых, он предпочитал, чтобы его брат жил среди обычных людей, это была своеобразная одержимость старшего брата.

В магазине был глухонемой парень из соседней деревни, его брат тоже поступал в старшую школу, сдав экзамены всего на триста с лишним баллов, и изначально не собирался учиться, потому что семья была слишком бедной. По изначальному плану Тао Сяодуна, он бы дал этому ребёнку деньги, чтобы он продолжил учёбу, без каких-либо условий, только чтобы он присматривал за Тао Хуайнанем в школе. Он не говорил об этом заранее, потому что боялся, что эти двое, которые никогда не разлучались, не смогут принять, что Тао Хуайнань перейдёт из рук Чи Чэна в руки другого ребёнка, оба они были упрямыми и своенравными.

Раньше он выбрал несколько возможных школ, но теперь, после поступка Чи Чэна, эти школы не подходили. Раньше он выбирал школы не по преподавательскому составу, а по близости к дому, ведь каждый день нужно было возить и забирать. Теперь, с Чи Чэном, это было невозможно, он сам считал, что везде одинаково, но Тао Сяодун не мог позволить ему так поступать.

В это время Тао Сяодун каждый день расспрашивал о школах, просил помочь, старался

устроить их в хорошие школы. Действительно, было несколько частных школ, которые были хорошими, если баллов не хватало, можно было заплатить, половина учеников поступала с высокими баллами, а половина — с высокой платой за обучение. Международная старшая школа была во всех отношениях идеальной, кроме того, что она была дорогой, но Тао Сяодун меньше всего боялся этого.

Когда вопрос со школой был почти решён, Тао Сяодун наконец почувствовал облегчение, он больше не чувствовал себя таким подавленным.

<http://bllate.org/book/16228/1458299>